

Г. Ионова

НИКОЛАЙ УТИН

Тень от зеленого абажура падает на лицо юноши, уютно устроившегося в глубоком кресле.

Тишина. Раскрытая книга забыта на коленях. Юный читатель не смотрит в нее. Его мысли где-то бесконечно далеко.

Бесшумно открылась дверь. С порога доносится шепот камердинера.

— Николай Исаакович! К вам братец Борис Исаакович пожаловали.

— Наконец-то!

Николай кинулся навстречу брату.

Они очень похожи. И все же бросалась в глаза разница между ними. Николаю всего 17 лет. Это худощавый стройный юноша среднего роста, с шапкой черных кудрей. Продолговатое лицо с тонкими

чертами оживляли большие, слегка выпуклые черные глаза. В движениях — юношеская порывистость.

Борис Исаакович намного старше, он уже профессор Петербургского университета. Привычка читать лекции наложила отпечаток на его манеру держаться и говорить. Мягко улыбаясь, он с трудом усадил младшего брата.

— Я окончательно решил поступить на юридический, — горячо говорил Николай. — Мы накануне больших событий. Скоро России нужны будут не одни чиновники. Общественное поприще потребует многих просвещенных людей.

— Рад за тебя. Университет — это единственное место, где стоит сейчас учиться. Рад также и потому, что через тебя надеюсь ближе сойтись со студентами. Отстаю. Да и молодежь стала иной.

— Можешь не сомневаться!..

Николай взмахнул рукой, порываясь снова вскочить.

— Хорошо, хорошо, не сомневаюсь, — улыбался Борис Исаакович, сдерживая брата. — Вот принес тебе новый номер, — продолжал он, доставая из кармана тонкие листы «Колокола». — Могу по секрету сообщить свой план. Во время летних вакаций еду за границу под предлогом лечения и хочу непременно побывать у Герцена.

Теперь уже никакая сила не могла удержать Николая. Сорвавшись с места, он зашагал по комнате.

— Чего бы я не дал, чтобы побывать у него! Это мечта всей моей жизни!

— Положим, эта жизнь еще не так велика, — ласково усмехнулся старший, любуясь юношеской горячностью.

До поздней ночи просидели братья, увлеченные беседой.

В ту ночь на другой половине дома долго не спал их отец — банкир Исаак Осипович Утин. Перед ним вставали картины молодости. Он сумел нажить состояние на подрядах и откупках. Разбогатев, приобрел этот роскошный дом на Галерной улице. Здесь же, в разных квартирах, жили его дети. Он гордился, что

сумел выбиться «в люди», но в душе постоянно жила тревога. Дети не оправдывали его надежд. Семья большая. Пять сыновей — Лев, Яков, Борис, Николай, Евгений и единственная дочь — Софья. Кажется, он не жалел денег на их воспитание. А в результате...

Старший, Борис, стал профессором Петербургского университета, но сколько волнений с ним было! Связался с участниками нелегального кружка. Каждую минуту отец ждал его ареста. Сыну грозила каторга, а может быть, и смертная казнь. Да и теперь — старик Утин чувствовал это — Борис продолжает увлекаться политикой.

Младших, Николая и Евгения, еще нужно поставить на ноги, но как это сделать, если их тоже тянет не в ту сторону? К тому же кругом так беспокойно!

Была весна 1858 года. Отовсюду шли слухи о крестьянских волнениях. В городах началось невиданное брожение умов. Беспокойно и в Польше. Каждую минуту там могло вспыхнуть новое восстание.

Старик тяжело вздыхал. Больше всего его волновала судьба Николая. В этом году он должен поступить в университет. Отец уверен, что Николая ожидает блестящая будущность. С его способностями, энергией он, несомненно, сделает карьеру.

А Николай всеми своими помыслами жил в ином мире. На всю жизнь врезались в память юноши впечатления детства.

Вот у Бориса собрались друзья. Позднее их стали называть «петрашевцами». Они увлечены горячим спором. Никто не обращает внимания на Николая, который забился в уголок большого кожаного кресла. Он помнит это кресло и запах теплой кожи, нагретой его щекой. Мальчик свернулся в комочек и слушает, затаив дыхание, долгие споры о социализме и будущем России, о необходимости создания республики. Он был слишком мал, чтобы понять все содержание этих разговоров, но горячее чувство возмущения несправедливостью, желание уничтожить всякое зло и добиться торжества правды глубоко запали в его душу. Он вырос, стал разбираться в вопросах, вол-

новавших брата. Неясные мечты о борьбе за справедливость приобрели более определенную форму. Теперь он с нетерпением ждал поступления в университет. Казалось, именно там его ждет настоящее дело.

Университет бурлит

В аудитории собралась шумная толпа. Сквозь общий гул голосов слышались выкрики:

— Сходку, сходку!

— Пора, наконец, организовать!

Перед собравшимися стоит на стуле худошавый юноша. Черные волнистые волосы, продолговатое лицо, слегка выпуклые глаза, сверкающие возбуждением. Горячая речь захватывает слушателей, зал наэлектризован. Оратор призывает действовать дружно, не отступать. Начальство будет вынуждено признать их права. Студенты должны сами решать все вопросы, касающиеся их жизни. Надо избрать свои органы самоуправления. И вообще студенческая корпорация — это сила, она еще покажет себя!

— Правильно, Утин! — восторженно откликаются голоса.

— Не отступать!..

— Мы — сила!..

Сходки стали постоянным явлением в столичном университете. На них обсуждались все вопросы, волновавшие студентов. Порой здесь говорились такие вещи, о которых не писал и Герцен в своем «Колоколе». Не дожидаясь разрешения начальства, юноши сами проявляли инициативу. Была создана библиотека, издавался студенческий сборник.

В 50-х годах в университеты хлынули разночинцы — сыновья мелких чиновников, учителей, врачей, ремесленников. Вся эта молодежь не имела никаких средств, и для помощи нуждающимся создавались студенческие кассы. Много изобретательности было проявлено студентами, чтобы найти средства для их пополнения. Ставились благотворительные концерты. Было начато чтение публичных лекций профессорами. Сбор от них шел в пользу студентов.

Николай сблизился со студентом Евгением Михаэлисом, братом Людмилы Петровны Шелгуновой. Его поразили широта познаний и интерес Евгения к общественным вопросам.

Михаэлис познакомил Утина с Чернышевским. Теперь Николай очень часто бывал в доме известного публициста. Серьезные разговоры в кабинете Николая Гавриловича сменялись шумным весельем в кругу гостей его жены. Ольга Сократовна была постоянно окружена молодежью. Она стремилась создать себе репутацию веселой и беспечной дамы. Никто не подозревал, что эта маленькая стройная женщина, красота которой приковывала общее внимание, была верным другом и помощницей своего мужа.

В квартире Чернышевского жил брат Ольги Сократовны — Алексей Студенский. Он тоже учился в университете. У Чернышевского Утин часто встречал артиллерийского офицера Вениамина Ивановича Рычкова, двоюродного брата Ольги Сократовны. В те дни Николай еще не знал, что судьба свяжет его с ними на революционном поприще.

Студенческое движение быстро расширилось. В 1859—1860 годах молодежь принимала деятельное участие в организации воскресных школ. Устанавливались связи с университетами других городов. Тайно работали политические кружки. В студенческие кружки шли женщины. Это была эпоха борьбы за устранение всякого неравенства, всех форм гнета. Вместе с главным вопросом русской жизни — уничтожением крепостного права — вставал вопрос и о ликвидации бесправия женщин. Добиваясь доступа в высшие учебные заведения, они сами проявили инициативу.

Как-то раз, явившись на лекцию, Николай увидел на скамье двух молодых девиц. Одна из них поразила его. Это была Надежда Корсини, дочь известного архитектора. Тяга к высшему образованию толкнула ее на смелый шаг. И вот она в аудитории. Вскоре там появились и другие слушательницы. Студенты держали себя по отношению к ним с большим тактом. Чтобы не смущать, старались не смотреть в их

сторону. Пора доказать, что присутствие женщин на лекции — обыкновенное дело. Николай поступал так же, как и другие, но и не глядя на Корсини, он ощущал ее присутствие.

Надежда приняла участие во всей студенческой жизни. Николай познакомился с ней и вскоре почувствовал, что она выделяет его среди других.

Как-то само собой случилось, что они стали вместе преподавать в воскресной школе. В первый же день уроков Николай с волнением ждал ее. Они долго бродили по улицам города. Оба наслаждались петербургской весной, ощущая прилив светлого юного счастья.

Работа в воскресных школах сближала студентов Петербурга. Николай сошелся с Сергеем Рымаренко, который руководил организацией школ. Круг его знакомств простирался все дальше, за стены университета. А университет продолжал бурлить.

«Утинская партия»

Правительство готовило репрессии против университетов. В 1860 году попечителем Петербургского учебного округа вместо либерального князя Щербатова был назначен генерал Филипсон, служивший до этого в Генеральном штабе. Царь мечтал возродить военные порядки в университете, и потому на пост министра просвещения весной 1861 года был призван, неожиданно для всех, адмирал Е. Ф. Путятин. Меньше всего ожидал этого сам адмирал. Если бы год назад ему сказали, что он станет во главе русского просвещения, он бы просто рассмеялся. Но старые служаки привыкли безропотно выполнять царскую волю. Как иначе? Тем более что русским императорам всегда требовалась «твердая рука» в деле просвещения.

Уже в мае 1861 года университеты вкусили первые плоды «военно-морского руководства». Были изданы новые правила, ограничивавшие число студентов, освобождавшихся от платы за посещение лек-

ций. Молодежь заволновалась. Однако до серьезных столкновений пока не дошло. Начались каникулы. Все разъехались на лето. Борьба развернулась осенью.

В конце августа к Николаю ворвался Студенский.

— Я только что приехал и — сразу к тебе! Читал новые правила? Сходки не разрешают, закрываются библиотека и касса. Лишают возможности поддерживать студентов, у которых нет средств для учения.

— Добавь к этому еще, что отменяются публичные лекции, отменены концерты. Правительство явно хочет закрыть низшим и средним сословиям дорогу к образованию. Мало того, вообще сама студенческая корпорация упраздняется. Нас лишили права самоуправления.

— Неужели потерпим это? Надо кликнуть клич...

— Правильно!

В день открытия университета собралась сходка. Громадный зал гудел.

— Не брать матрикулы!

— Отстоим самоуправление!

На кафедре Николай Утин. Его встречают овацией. В зале звенят его гневные, зажигающие слова.

— Перед произволом мы не отступим! Студенческая корпорация должна себя отстоять. Главное сейчас — не брать матрикулы. Эти книжонки должны служить удостоверением личности. В них вписаны новые правила. Кто возьмет матрикулы, тот признает эти гнусные правила, изменит товарищам. Сейчас надо немедленно избрать депутацию и вызвать попечителя. Пусть явится на сходку!

Депутация избрана. Во главе ее, разумеется, Утин. С ним его брат Евгений, затем Михаэлис и еще несколько человек. Попечитель Филипсон встретил депутацию надменно.

— Ко мне посылать депутатов? Как могли студенты позволить себе подобную дерзость!

Депутаты держались твердо и решительно.

— Передайте студентам, — наглед попечитель, —

что я не оратор. Советую им заниматься науками, а не сходками.

Слова эти подняли целый ураган гнева. Начались ежедневные сходки. Профессора кусали губы. Перед ними на скамьях сидели жалкие десятки «прилежных», а рядом, в свободных аудиториях, бушевали сотни «мятежных голов».

Душой движения был Николай Утин, энергичный, смелый, изобретательный. Сложившееся вокруг него боевое, решительное меньшинство в университете называли «утинской партией».

Эта партия не признавала компромисса. Она избрала курс на решительный конфликт. Пусть начальство одумается, а если не захочет отступить, тем лучше! Ведь закрытие университета — это настоящий политический скандал!

— Друзья! Мы не одни, — говорил Утин, — с нами вместе студенты всех городов. В Москве и Киеве, в Казани и Харькове люди протестуют против путятинских правил.

Начальство растерялось. Закрыть университет означало расписаться в своей бессилии. Что делать? Кто-то предложил запереть аудитории, в которых происходили сходки. Новый промах! Замки на дверях только подлили масла в огонь. Когда на другой день толпа студентов вышибла дверь актового зала и устроила там грандиозную сходку, начальство поняло свое поражение.

24 сентября 1861 года лекции были прекращены и университет закрыт. То была первая победа «утинской партии». Но на этом останавливаться нельзя. Утин и его друзья продолжали наступление. На следующее утро университетский двор был переполнен. Сходка. Начальство должно дать отчет, на каком основании прекратили занятия! Новая депутация к попечителю.

Филипсон бледнеет.

— Отвечайте, что меня нет. Еще не приезжал...

Произошло нечто необычайное. Все, как один, двинулись к дому Филипсона. По набережной, через

Дворцовый мост, мимо Зимнего, перекрывая весь Невский проспект, валила нестройная толпа.

— Куда?

— На Колокольную. Там попечитель...

Невиданное зрелище в столице! Тысячи любопытных теснились на тротуарах. Студенты шли медленно. У многих расстегнуты шинели. Фуражки небрежно сдвинуты на затылок.

В полиции переполох. На Колокольной улице шествие было встречено генерал-губернатором Игнатьевым. Возле него стоял обер-полицмейстер Паткуль. У дома попечителя сверкали штыки. Рота стрелкового батальона шла занимать караульные посты. Ее тут же завернули на Колокольную. При виде высшего начальства и солдат Николай Утин тотчас подзвал одного из студентов, шепнул ему что-то на ухо. Тот кивнул и моментально исчез.

В это утро Чернышевский был дома и работал в кабинете. Запыхавшийся студент торопливо сообщил о событиях этого бурного утра и что рядом на Колокольной студентов встретили солдаты. Чернышевский спокойно поднялся из-за стола.

— Не волнуйтесь. Отправляйтесь обратно, не теряя времени. Я буду вслед за вами.

Студент убежал. Вскоре вышел и Чернышевский. Он направился к толпе. Встревоженная Ольга Сократовна не раз выходила на улицу. Ведь его могли тут же арестовать.

Он вернулся невредимым. Столкновения не произошло.

Перепуганный Филипсон понял, что его карьере пришел конец. Как это он довел дело до таких скандальных событий? Из университета окольной дорогой он проскакал домой на дрожках задолго до прихода студентов. Теперь он делал все, чтобы избежать дальнейшего обострения. Умолял полицию и военное начальство не вмешиваться, уговаривал студентов успокоиться и разойтись. Он соглашался принять депутацию, но только в университете.

Студенты выдвинули контртребование: попечитель должен идти в университет вместе с ними. И вот

вся толпа двинулась тем же путем обратно. Во главе ее теперь шел отставной генерал Филипсон! Он бледнел и краснел, но выхода не было. У Гостиного двора ему позволили сесть на дрожки. И так до самого университета. Под конвоем нескольких сот молодых бунтарей!.. На глазах всей столицы!.. Генерал готов был провалиться сквозь землю. Кругом раздавались насмешливые замечания:

— Взяли в плен попечителя!

— Генерал арестован!

Попав в свой кабинет, Филипсон снова обрел уверенность.

— Примут ли студенты матрикулы? — сухо спросил он депутатов.

— Если и примут, то мы не знаем, будут ли их исполнять.

Ответ звучал довольно дерзко.

— Прошу всех сейчас разойтись. На следующей неделе будут возобновлены лекции, — сказал Филипсон. Он спешил закончить неприятную аудиенцию.

Депутаты сообщили студентам решение попечителя. Это была уступка. Университетский двор опустел.

Университет в казематах

В ночь на 26 сентября полиция арестовала тридцать человек, попавших в список зачинщиков студенческих беспорядков.

«Утинская партия» поднимала на протест все столичное студенчество. Теперь уже шла речь о столкновении с правительством, а не только с университетским начальством.

Утром 27 сентября громадная толпа молодежи буквально осадила университет. Около здания оказались прижатыми батальон Финляндского полка, жандармы и полицейские. В зале Совета университета беспомощно отсиживались генерал-губернатор, обер-полицмейстер и министр просвещения.

За окнами колыхалась и шумела многоголосая мас-

са людей, от которой теперь можно было ожидать всего. Молодежь учебных заведений столицы пришла на помощь друзьям из университета. Среди сюртуков и пальто там и тут пестрели военные мундиры. Это офицеры Артиллерийской академии пришли поддерживать студентов, если правительство попытается применить силу.

Хозяином улицы стала протестующая молодежь. Генерал-губернатору докладывали, что на Литейном мосту двое офицеров останавливали каждого военного и направляли к университету.

Один офицер, присоединившийся к протестующим, по распоряжению генерал-губернатора был арестован. Двое солдат повели его. Однако, отойдя несколько шагов, он скомандовал:

— Налево кругом! Марш!

Солдаты не посмели послушаться. Офицер ушел.

Власти были бессильны справиться с молодежью. Полиция могла лишь выхватывать отдельных людей. Было арестовано 38 студентов и несколько офицеров. Остальные разошлись лишь к трем часам дня.

Ночью патрули обходили весь Васильевский остров. Тревога охватила официальный Петербург.

— Что это — революция? — шепотом спрашивали в Зимнем дворце.

Правительство решило во что бы то ни стало открыть университеты. Но сначала нужно было заставить студентов взять матрикулы. Мучили и уговаривали каждого поодиночке. Начальство не скупилось на обещания, лесть и угрозы. В результате из 1 500 студентов 500 человек попросили матрикулы.

Открытие университета было назначено на 11 октября. Теперь это был не университет, а что-то вроде тюрьмы. У дверей стояла вооруженная стража.

Напрасно профессора готовились в этот день к лекциям. Из тех, кто взял матрикулы, отважились явиться всего несколько человек. Зато явилось множество юношей, не бравших матрикул. Они пришли не для занятий. Их привело на университетский двор желание выразить громкий протест против путятинских правил.

Надолго запомнился Николаю Утину день 12 октября. Готовясь к нему, «утинская партия» много поработала. Протест необходимо было довести до открытого столкновения с властями. Николай и его друзья стремились объединить в этом деле студенчество всех университетских городов. С Москвой связь была постоянной. Там готовилось выступление примерно в те же дни.

Сходка на университетском дворе в то утро была особенно многолюдной. Студенты потребовали отмены новых правил либо окончательного закрытия университета.

В тот день пролилась кровь. В разгар сходки из-за ограды блеснули штыки. Солдаты набросились на безоружную толпу. Били прикладами, кололи. По официальным данным, явно приуменьшенным, раненых было двадцать человек.

«Третья кровь» — озаглавил Герцен заметку в «Колоколе», посвященную этой зверской расправе. Первой кровью царского «освобождения» были убийства в Варшаве, вторая кровь была пролита при усмирении крестьянских волнений. Обливая кровью улицы столицы, царское правительство вновь доказало свою несостоятельность во всех делах, в том числе в области просвещения.

В тот день Николай вернулся домой поздно. Несмотря на усталость, он и его брат Евгений долго не спали, обсуждая происходившие события. За один день они стали старше на несколько лет. Спать почти не пришлось.

Было около двух часов ночи, когда раздался резкий звонок. Послышались шаги, звякнули шпоры. На пороге появился камердинер. Свеча дрожала в его руке. За его спиной Николай увидел фигуры жандармов.

Во время обыска Николай сохранял полнейшее хладнокровие. К этому он уже был готов. На письменном столе не было ничего, кроме элегантных безделушек. Перевернув вверх дном всю квартиру, жандармы ничего не нашли.

Под утро Николая привезли в Петропавловскую

крепость. Все помещения были переполнены. В ту ночь было арестовано 243 студента. Каждого вновь прибывшего встречали со смехом. Кто-то бросил крылатую фразу: «Петропавловская крепость превращена в Петербургский университет!»

На другой день эти слова повторял весь город.

Никогда еще эти мрачные стены не видели столь жизнерадостных заключенных. Их не пугали лишения. Прежде всего они были все вместе. Но главное — они стали героями дня. Им сочувствовала вся просвещенная столица.

Правительство вновь опозорилось, бросив в тюрьму сотни студентов лишь за то, что они требовали отмены университетских правил. За что, интересно, их будут судить?

В каземате собрался цвет молодежи. Вся «утинская партия» налицо. Вот и сам ее вожак, чернокудрый, неугомонный. Вот Михаэлис и Ген — лучшие помощники Утина. А вот завсегдатай сходок Михаил Покровский. Здесь же без умолку хохочет бесшабашный Евгений Утин.

Николая радовало мужество, с которым его товарищи переносили лишения. В камерах не умолкали песни. Студенты читали стихи, обсуждали события.

Все хорошо! Только сердце неустанно било тревогу. Николай ни на минуту не забывал, что здесь же, в крепости, томилась в одиночестве Надежда Корсини. Ее арестовали вместе со студентами.

«Утинская партия» не оставалась без дела. Николай и его друзья подготавливали товарищей к допросам. Следствие не дало никаких материалов для судебного обвинения.

Студентов продержали в крепости до декабря. Сам царь вынес им окончательный приговор.

Николай Утин, отнесенный было по степени «виновности» к первому разряду, вскоре оказался перечисленным во второй. «Высочайшее повеление» гласило: «Исключить из университета и отдать на поруки родителям». От старика Утина была взята подписка в том, что сын не будет «производить беспо-

рядки или подстрекать к ним других лиц». Подписавший отвечал за нарушение своего обязательства по всей строгости законов.

Вернувшись из крепости, Николай не узнал родного дома. Отец угрюм и мрачен. Старшие братья встречают холодно. Исчез привычный ритм домашней жизни. Рассыпались уют и гармония большой семьи.

Начались столкновения. Старик требовал от сына прекратить «неблагоданмеренный» образ действий. Это может погубить карьеру и его самого.

Николай возражал спокойно и убежденно:

— Поймите, для молодых людей дороже всего честное имя. Карьера? Для кого и зачем она? К тому же для меня она все равно недоступна. Единственная деятельность, к которой я стремлюсь, — получение кафедры в университете — теперь невысмыслима при моих отношениях с профессорами.

— Ты должен поступить на службу, — настаивал отец. — Если это не удастся, поезжай за границу. Хотя бы для того, чтобы поправить здоровье.

В глазах отца поездка в Европу — лучшее лекарство против вольнодумства.

— Лечение необходимо, — соглашался Николай. — Крепость испортила зрение. Нервы расстроены. Нужно подать прошение о заграничном паспорте. А пока буду заниматься. Хочу сдать экзамен за университет.

Николай смотрел на заграничную поездку иначе, чем отец. За границей Герцен и Огарев. Там ближе можно познакомиться с революционным движением, а может быть, и принять в нем участие. Новый генерал-губернатор князь Суворов решил по-своему:

— Николаю Утину заграничный паспорт не давать!

Расправившись со студентами, правительство тем не менее вынуждено было пойти на уступки. Были отстранены министр просвещения, попечитель учебного округа, столичный генерал-губернатор и обер-полицеймейстер Петербурга. В Москве и других горо-

дах также произошла смена чиновников. Это был неосомненный успех.

Вечером в шахматном клубе, куда сходилась цвет литературного Петербурга, горячо обсуждались последние события. Один из посетителей, энергично жестикулируя, говорил:

— Нам нужно иметь оплот против правительства, а этот оплот можно найти только в такой корпорации, как студенческая. Мы видели, что она, состоя из горсти людей невооруженных, преследуемых, теснимых, разбила наголову нравственно и фактически правительство со всеми его войсками и штыками: министр, генерал-губернатор, граф Шувалов удалены, а все корпорация!

Оратор явно преувеличивал. Правительство не было разбито. Уступки лишь отчасти прикрывали новые репрессии. Всюду велась полицейская слежка. Жандармские агенты кружились вокруг Чернышевского и его друзей.

С этими зловещими переменами Утину пришлось столкнуться при первом же визите к Николаю Гавриловичу. Его появление у подъезда писателя было замечено сразу с двух сторон. Из окна — Ольгой Сократовной, сидевшей теперь неотлучно на посту с рукодельем, а из замочной скважины — шпионом. Он тайно скрывался в комнате швейцара.

— Положение серьезное, Николай Исаакович, — говорил Чернышевский, — за нами следят днем и ночью.

Долго оставаться было рискованно. Коротко сообщив новости и рассказав о настроении в университете, Утин откланялся.

Его провожал Студенский.

Несколько слов, которыми вполголоса они обменялись в подъезде, были подслушаны. К «делу» Чернышевского в Третьем отделении была подшита новая бумажка.

Полицейские гонения не были случайностью. В столице появились революционные прокламации. Их рассылали по почте, раскладывали на креслах в театре. О распространителях воззвания «К молодому

му поколению» складывались легенды. Рассказывали о каком-то господине, который ехал на белом рысаке по Невскому и под носом у полиции раскидывал направо и налево запретные листки.

Николай тоже внес свой вклад в это дело. Вместе с Евгением Печаткиным он выпустил и распространил прокламацию с протестом против высылки из Петербурга профессора Павлова, который пострадал за резкую критику правительства.

Земля и воля!

После ареста Утин почувствовал, что вокруг происходит что-то серьезное. К нему присматривались друзья.

Однажды вечером он зашел в шахматный клуб. Это было в начале марта 1862 года. В газетном зале его окликнул Александр Александрович Слепцов. Николай давно уже был знаком с ним. Оба принимали участие в создании шахматного клуба. Изредка встречались у Чернышевского.

Александр Александрович поднялся навстречу. Сначала речь шла о делах шахматного клуба и общих знакомых. Когда же они удалились в одну из уединенных комнат, Слепцов, наконец, заговорил о главном.

— Вы, по-видимому, догадываетесь, что я хочу говорить с вами о важном деле. Мне хорошо известно, что вы сторонник самых решительных мер в борьбе против нынешних порядков.

— Да, — подтвердил Николай, — я убежден, что революция не делается без крови. Она меня не пугает, а если придется умереть... потомки будут завидовать нашей участи.

— Я знаю, что вы думаете так, — просто ответил Слепцов, — потому и говорю без всяких подходов. Создано тайное революционное общество, и вам предлагают присоединиться.

Разговорились о вовлечении в организацию сту-

дентов и о том, какую работу прежде всего нужно выполнить молодежи.

На следующий день Слепцов рассказал Сергею Рымаренко о переговорах.

— Утин вполне подходит для четвертой пятерки, которую я сейчас подбираю. Он пользуется авторитетом среди студентов. Этот серьезный, энергичный человек, несомненно, будет полезен организации.

Было решено вовлечь Утина в организацию. Ему объяснили, как нужно создавать пятерки тайного общества, чтобы избежать провалов. Позднее Сергей Рымаренко не раз давал Николаю практические советы о приемах конспирации. Он требовал действовать очень осторожно, привлекать в организацию самых надежных людей. Сам Николай не должен подавать никакого повода к подозрению. Это особенно важно, так как Николай уже был арестован. За ним, безусловно, установлен тайный надзор. Поэтому нужно бывать в обществе, в театре — жить так, чтобы каждый его шаг казался на виду.

Начались дни лихорадочной работы. Перед Николаем раскрывались нити всероссийской организации «Земля и воля».

— Сейчас, — объяснял Слепцов, — необходимо завершить объединение в одно целое кружков и тайных обществ Петербурга, Москвы, Поволжья, юга и севера России. Почти везде у нас есть свои люди. В Москве инициатива принадлежит Юрию Мосолову и Николаю Шатилову. Это гимназические ученики Николая Гавриловича Чернышевского. У них уже сильная организация, она выросла из московского общества, которое называлось «Библиотека казанских студентов». Мосолов послал на юг молодого землемера Ивана Андрущенко с прокламациями и литературой. Москвичи не теряют связи с Саратовом. Сам Мосолов теперь создает кружки и заводит типографию во Владимире и Нижнем Новгороде. В Казани действует Умнов, в Вологде — Бекман. Люди не сидят сложа руки.

Николай внимательно слушал. Утина поразила широта замысла. Все кружки и тайные общества

России должны были действовать на основе общей платформы. Ею служит изданное в прошлом году воззвание «Что нужно народу?». Об этой платформе уже знали многие. Она была напечатана в герценовском «Колоколе» в июне 1861 года. Это была платформа революционной партии.

«Очень просто, народу нужна земля да воля!» — отвечали составители воззвания на вопрос, поставленный заглавием.

Крестьяне требуют «всю землю» и «всю волю». Царский манифест 19 февраля обманул надежды. Революционная партия знает, что достичь цели можно только всеобщим вооруженным восстанием. Уже в 1863 году народ должен подняться против помещиков. То был срок подписания грабительских уставных грамот. К тому времени нужно успеть объяснить народу необходимость организованной вооруженной борьбы и подготовить восстание народа и армии.

Но в богоспасаемой империи путь к народу закрыт. Значит, надо добиться условий, при которых можно говорить с народом более или менее открыто. Такие условия может дать только широкая политическая кампания. Ее успех на первых порах зависит от многих условий, в том числе от участия либерального дворянства.

Адресная кампания! Вот что должно служить началом общего революционного подъема. Пусть она начнется на основе скромных, урезанных требований. И составители воззвания «Что нужно народу?» выдвигают эти требования. Нет, это еще не «вся земля». Предлагается передать крестьянам в собственность лишь тот надел, которым они пользовались у помещика до манифеста, а ведь манифест не дал даже этого надела. От него в виде отрезков к помещикам отошли лучшие куски. Выкуп земли должен производиться за счет всей нации. Помещики тоже должны принять участие в выкупе. Но народ, пишут составители воззвания, не хочет «обижать» помещиков. Пусть из государственных доходов они получают в течение тридцати лет один миллиард рублей. Этого

им будет вполне достаточно. Лишь бы не повышались налоги.

Помещики недовольны многими нынешними порядками, но они до смерти боятся революции. Если так, то пусть они примут участие в мирной адресной кампании.

А как же обстоит дело с «волей»? Нет, пока еще составители воззвания не выступают за «всю волю». Это дело будущего. Крестьянин еще верит в царя. Его надо разубедить. И сделает это сам «помазанник божий». В воззвании предлагается просить «всей землей» царя созвать всенародный земский собор. Он должен решить вопрос о земле. Пусть крестьяне верят покуда, что царь пойдет на такой шаг по просьбе народа. Пусть помещики надеются, что они убедят правительство созвать собор во избежание революции. Революционная партия в чудеса не верит. Придет час, и царь откажется. Но будет уже поздно. Это будет гибель всех надежд на царскую милость. Крушение иллюзий — лучший пропагандист. Революционная партия призывает народ к вооруженной борьбе за созыв земского собора. Тогда-то революционная партия кликнет клич и поведет народ на битву за «всю землю» (ее надо отобрать у помещиков) и за «всю волю» (республика вместо монархии).

А пока адресная кампания! Необходимо разъединить помещичью клику. Переманить на время к себе либеральную часть дворянства. Адресная кампания дает все необходимое для подготовки восстания. Ведь под предлогом мирного петиционного движения можно будет вести любую пропаганду.

Многое предстояло сделать «Земле и воле». Срок небольшой. Необходимо к 1863 году бросить в народ целую армию пропагандистов, подготовить к выступлению войско, прочно объединиться с польскими революционерами для совместного выступления. А главное — создать и укрепить партию революции.

Работы по горло. Николаю поручено заняться организацией издания подпольной литературы. «Земля и воля» нуждается в постоянно действующей типографии. Помощники Утина — Гулевич, Пантелеев,

Жук, входившие в его пятерку, уже начали действовать. Они же помогли Николаю установить практическую связь с революционно настроенными польскими студентами в Петербурге.

Много хлопот доставил московский кружок студентов, руководимый Заичневским и Аргиропуло. Утин не раз встречался с ними в университете. Они привозили в Петербург целые кипы литографированных ими сочинений Герцена. За это поплатились оба. Сидели в Петропавловской крепости, а сейчас в Москве под арестом ждут суда. Умные и талантливые люди. Их организация продолжает действовать: возглавила волнения студентов в Москве. У них какие-то нелады с обществом Мосолова и Шатилова. Но действуют очень энергично. Еще в апреле от Заичневского в Петербург прибыла группа студентов во главе с Аполлинарием Покровским. Предложили присоединиться к ним. Утин хорошо помнил эту встречу. На ней присутствовали, кроме Николая, Слепцов, Пантелеев и студент Гогоберидзе. Расстались очень дружелюбно. Хотя окончательного ответа им дано не было. Слепцов решил подождать.

В начале мая Николай Утин съездил в Москву. Вел переговоры с Мосоловым и Шатиловым относительно деятельности их кружка. Узнал, что Заичневский и его друзья готовят проект революционной программы. Больше ничего выяснить не удалось.

Теперь Николай часто встречался с Чернышевским в шахматном клубе, иногда в редакции «Современника». Предлогом для встреч были общие дела в студенческом отделении Литературного фонда и организация общедоступных лекций в пользу студентов в здании городской думы. Утин знал, что Николай Гаврилович играет немалую роль в «Земле и воле», но никогда не обращался к нему от имени тайного общества. Этого требовал конспиративный такт. Советоваться же приходилось по многим вопросам.

Чернышевский по-прежнему внимательно следил за настроением студентов. Давал советы и оказывал помощь. Он вмешался в конфликт, возникший в те

дни между студентами и профессором Костомаровым. «Думской историей» было названо потом это шумное столкновение. Как-то на одной из лекций профессор бестактно прошелся по адресу боевой, протестующей части студенчества. Он получил резкий отпор. Брат Николая, Евгений, прямо со скамьи оборвал лектора оскорбительным выкриком.

— Ах, молодость, молодость! — смеялся Николай Гаврилович, слушая Утина. Однако скандал уладил.

Трудное время

Пожары в мае 1862 года были началом провокаций и полицейского террора. Одним из первых был арестован Сергей Рымаренко, затем каждый день все новые и новые жертвы.

Утром 7 июля в передней квартиры Чернышевского раздался звонок. Ему не придали особого значения. Хозяин мирно беседовал в зале с сотрудником «Современника» Антоновичем и доктором Бокковым.

Дверь шумно отворилась, и приземистый человек в черном мундире бесцеремонно шагнул в зал.

— Мне нужно видеть господина Чернышевского!

Неприятное, изрытое оспой лицо пришельца было хорошо знакомо присутствующим. Это жандармский полковник Ракеев. Его привыкли видеть во всех общественных местах. Играя добродушного простака, он любил похвастаться тем, что некогда сопровождал тело Пушкина в Святые Горы. Сегодня против обыкновения на нем не было голубого мундира.

Хозяин дома понял все.

— Я Чернышевский. К вашим услугам!

— Мне нужно поговорить с вами наедине.

— А, в таком случае пожалуйста ко мне в кабинет.

Николай Гаврилович бросился из зала так стремительно, что офицер растерялся.

— Где же, где же кабинет?!

Затем крикнул повелительно:

— Укажите, где кабинет Чернышевского, и проводите меня туда!

Из передней вынырнул пристав, он проводил полковника. Вернувшись, пристав предложил Бокову и Антоновичу уйти. Подавленные, понутив головы, они вышли на улицу, не говоря друг другу ни слова.

В кабинете Чернышевский успел уничтожить записку Николая, оставленную на столе. Когда его уводили, он успел шепнуть жившему у него Вениамину Ивановичу Рычкову:

— Передайте Николаю Утину, чтобы он не беспокоился...

Арест Чернышевского произвел ошеломляющее впечатление на всех передовых людей.

Аресты не прекращались. «Страшное, проклятое лето», — вспоминал впоследствии Николай. Но молодежь оставалась верной знамени «Земли и воли». Она продолжала борьбу. В это трудное время особенно важно было показать правительству, что революционная партия невинна и что арестованы невинные люди.

Условия работы усложнились. Полиция пустила в народ слух об участии в поджогах студентов. Вся семья была обеспокоена отказом Николая в пропуске за границу. Он догадывался и сам, что это дурной признак. Над ним сгущались тучи. Несколько раз ходил он к генерал-губернатору узнать, разрешен ли ему, наконец, выезд. Суворов издевался прямо в лицо:

— Как? Разве вы... не арестованы?

Еще в начале марта петербургскому обер-полицеймейстеру Анненкову было доставлено перехваченное почтой письмо какой-то болтливой девицы:

«Писано в С.-Петербурге 3 января 1862 года. Как я желала бы встретиться с тобой, чтобы передать тебе хотя бы частичку того радостного кипения, которым заполнена теперь моя жизнь! В вашей сонной Москве вы совершенно лишены возможности дышать воздухом современности. Здесь все кричат «крови! крови!». Требуют действия. Утинская партия решительно преобладает. У меня собирается кружок са-

мых отчаянных демократов. Я теперь совсем настоящая епансирè — ношу мужскую шапку из меха!

Прощай, моя дорогая, и постарайся приехать в Петербург, — жизнь только здесь.

Твоя Лиза».

Вечером обер-полицмейстер сидел в кабинете Суворова. Оглядывая изысканное убранство, он с глубокой завистью думал: «Умеет же окружить себя блеском и придать себе вес!» Суворов посматривал на него с легкой насмешкой: «Этот тугодум не продвинется далеко!» Впрочем, свои мысли он скрывал под маской любезности:

— Письмо, которое вы мне изволили переслать, весьма любопытно. Но смею заметить, что, по моему разумению, этого еще недостаточно для ареста Утина. Нет прямых доказательств.

Летом 1862 года Утин продолжал работу по организации печатания прокламаций. Были изданы воззвания «К образованным классам» и «Предостережение».

В них говорилось, что «образованные классы», под которыми в первую очередь подразумевалось дворянство, должны отказаться от поддержки правительства, начавшего террор. Такая поддержка обернется худо для них же самих, ибо это ведет к усилению тирании, от которой не сладко даже дворянам.

Авторы воззваний взяли под защиту революционный манифест «Молодая Россия». Его составителей обвиняли в проповеди поджигательства и резни. «Молодую Россию», как выяснилось, издала в середине мая группа Заичневского и Аргиропуло. Это была та самая программа, которую юные москвичи готовили целую весну. В ней провозглашались социализм и гражданская война против «всех имущих». Николаю Утину и Слепцову пришлось убеждать Заичневского и его друзей в несвоевременности опубликования максимальной программы революционной партии.

Николай присматривался к людям в организациях молодежи, существовавших легально. В комитете

Литературного фонда он обратил внимание на Дмитрия Степанова, студента естественного факультета университета. Николай расспросил о нем друзей. Ему сказали, что на Дмитрия можно положиться.

Предлог для знакомства с Дмитрием был найден.

— Меня просили порекомендовать кого-нибудь для занятий математикой. Не могли бы вы взять на себя урок?

— Охотно.

Семья, где Степанов начал давать уроки, жила на даче в Лесном. Там же находился в то время и Николай Утин. Они часто встречались. Встречи и продолжительные беседы сблизили их. Николай одобрял образ мыслей нового товарища и, наконец, однажды сообщил Степанову, что есть люди, взявшиеся изменить существующие порядки и создавшие тайное общество.

— Может быть, и от тебя потребуется услуга. Ты готов принять участие в общем деле?

— Можешь полностью рассчитывать на меня, — горячо отозвался Дмитрий.

Николай отвел Степанова в тайную типографию, где его обучили новому делу. Там он работал до декабря 1862 года. Юноша гордился оказанным доверием, отдаваясь с душой общему делу. То были издания «Земли и воли». Их тайну он хранил свято. С Николаем он теперь встречался редко. А когда являлась необходимость, у подъезда богатого дома на Галерной улице появлялся скромно одетый студент. Он тихо называл фамилию, и лакей немедленно провожал его в кабинет Николая. Изредка Николай сам приходил к Степанову под предлогом пирушек. Их Степанов устраивал вместе с вольнослушателем университета Станиславом Издебским и окончившим университет кандидатом Судакевичем.

Всю зиму Николай старался вести жизнь, о которой ему когда-то говорил Сергей Рымаренко.

Он скитался по балам и театрам. Пусть все видят, как спокойно и праздно проводит он свободное от занятий время.

Дорого обходились ему эти «развлечения».

«У юноши слабое здоровье», — думал каждый, глядя на бледного и худого театрала. Никто не догадывался, что его изнуряла большая работа. Днем ее делать было невозможно. После ареста Рымаренко и других друзей Николай Утин вошел в состав Центрального комитета «Земли и воли». И теперь, опустив шторы, он проводил бессонные ночи у стола. Неизменная зеленая лампа освещала шифрованные письма из провинции либо пачки квитанций, выдаваемых «Землей и волей» жертвователям денежных сумм. Иногда это были пробные оттиски, только что поступившие из типографии, а порой лист бумаги с наброском очередного воззвания. Его надо быстрее закончить. Утром за ним придет Степанов.

А чего стоили ему занятия экстерном? Учиться кое-как теперь было нельзя. Реакционеры злобствовали. «Наша неучающаяся молодежь», — глумились они над студентами, протестующими против реакционной системы университетского образования, а вместе с нею против всех порядков помещичьей империи. Клеветникам нужно было дать отпор.

И Утин, не разгибаясь, сидел над энциклопедией законоведения. Следом за ней шла политэкономия Рошера, а дальше рукописные лекции гражданского и полицейского права. Впереди курс государственного права европейских держав, курс судебной медицины... Сколько требуется сил на все это? Поистине трудное время.

В эту зиму Николай Утин, как член Центрального комитета «Земли и воли», получил особое задание — поддерживать связи с польскими революционерами. Теперь все отношения с Варшавским Центральным комитетом осуществлялись только через Николая. К нему являлись двое. Один — Иосафат Огрызко, принадлежащий к числу руководителей петербургской польской организации. Его Утин знал раньше как содержателя типографии, где печатались студенческие сборники. Второй был Владислав Косовский — худощавый, стройный поручик со светлоголубыми глазами и решительным лицом. Они передавали Николаю корреспонденцию от польского

революционного правительства, революционные прокламации, письма и газеты и затем пересылали в Польшу получаемые от него письма.

Восстание в России и в Польше намечалось одновременно на весну 1863 года. Однако уже зимой Варшавский Центральный комитет прислал тревожное письмо. Николай торопливо пробежал строки.

Царское правительство, чувствуя подготовку к восстанию, назначило проведение военного набора; оно решило забрать в армию и удалить из Польши революционную молодежь. Обстоятельства, следовательно, вынуждали начинать восстание теперь же.

Через Николая был направлен ответ. В России выступление еще не подготовлено. Русское крестьянство поднимется на борьбу не раньше весны 1863 года. Организация «Земля и воля» ослаблена арестами и поддержать братьев поляков в данный момент не может. Если восстание в Польше отложить невозможно, то помощь пока может быть оказана лишь людьми, оружием и пропагандой.

И вот восстание началось! За его ходом с волнением и надеждой следили революционеры не только в России, но и в других странах. В далекой Англии 17 февраля 1863 года Ф. Энгельс писал к К. Марксу: «Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания»¹.

Русские революционеры возлагали все надежды на весну. А пока что приходилось действовать в обстановке политических репрессий.

Жандармские агенты не давали покоя. Прежнюю типографию пришлось прикрыть. Николай решил продолжать печатание изданий «Земли и воли» в имении Михаила Вейде. С ним он учился на юридическом факультете.

Храбрый юноша рвался в ряды польских повстанцев. Выслушав Утина, он с готовностью согласился вернуться в свое имение. Да, он наладит печатание, а затем уйдет «до лясу».

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 135.

В доме на Галерной, уединившись в кабинете, они обсудили все детали.

— Перед самым отъездом я познакомлю вас с человеком, который будет печатать, — говорил Николай, — ваша обязанность — устроить так, чтобы обеспечить сохранение тайны и надежно укрыть типографию.

— Это я гарантирую, — заявил Вейде, — ведь я знаю там каждого человека, мне знакомы каждый куст, каждая тропинка.

— В случае ареста, — продолжал Николай, — скажите, что вы получили типографские принадлежности от какого-нибудь студента университета, который умер или уехал за границу.

Через несколько дней расторопный Михаил Вейде уже вез типографские принадлежности в свое имение, в село Беловское Люцинского уезда Витебской губернии. Там он спрятал их на чердаке дома. Спустя некоторое время он уже звонил в колокольчик у подъезда дома Утиных.

Вместе они отправились к Степанову. Николай познакомил их, дал им 50 рублей на расходы. Последние инструкции. Рукопожатия. Затем на извозчике к Варшавскому вокзалу.

Типография в Мариенгаузене

Прибыв в Беловское в конце января 1863 года, Степанов немедленно приступил к печатанию. Дом Михаила Вейде был небольшой и довольно ветхий. Его отец служил управляющим в соседнем имении Мариенгаузен, принадлежавшем помещице-вдове Липской. Отец Вейде уже умер, оставив маленькое имение ему и двум его младшим братьям. Все нравилось здесь Степанову и Вейде, если бы не две пары любопытных мальчишеских глаз. Вскоре они стали серьезной помехой.

Вейде отправился за советом в имение Мариенгаузен. Там в те дни находился брат помещицы — Антон Рыцк. Он помог переправить типографию

в приселок Семенов, в дом управляющего имением Полонского. Но и здесь встретились непреодолимые трудности. В имении Мариенгаузен Антон Рыцк собирал отряд повстанцев. Заканчивались последние приготовления к выступлению. Поэтому, спешно закончив печатание 300 экземпляров журнала «Земля и воля», Степанов повез их в Петербург. Вейде ушел к повстанцам.

В Петербурге Степанов передал Николаю привезенные экземпляры.

— Нельзя сказать, чтобы идеально, — говорил Николай, просматривая оттиски, — но пустить в дело можно. Молодец Дмитрий!

— Но там продолжать нельзя...

Степанов рассказал о положении в Мариенгаузене. Николай внимательно выслушал его и задумался.

— Необходимо немедленно забрать оттуда типографские принадлежности, а тем временем придумаем что-нибудь другое.

На следующий день Николай познакомил Степанова с Жуковым. Это был штабс-капитан в отставке, приехавший недавно из Киева.

Илья Григорьевич Жуков уже прошел революционную школу. Он был твердым человеком. Его принудили уйти в отставку за связь с революционно настроенными студентами и сочувствие освободительной борьбе поляков.

Вскоре пассажирский поезд мчал двух человек в леса Витебской губернии. Под стук колес доносился говор пассажиров. Рассказывали, что ездить стало опасно. В Польше и Литве все шире разгоралось восстание. Повсюду выставлены заставы, усилена охрана.

Путешественникам было невдомек, что в тот день неподалеку от цели их поездки, в деревне Кобылице Островского уезда, перед толпой мужиков стоял уса-тый человек. То был волостной голова. Он кричал, краснея от натуги:

— Слушайте строгий приказ! Всем известны слухи о беспокойствиях в мызе Мариенгаузен. Приказываю: всех неизвестных, приезжающих из Люцинского

уезда, а равно едущих в тот уезд, спрашивать, что за люди, и требовать виды! Смотрите, чтобы кто не провез оружие! Если вещи у кого слишком тяжелые — задерживайте и доставляйте ко мне!

Мужики расходились угрюмо, опустив головы.

Шли дни. Кругом было спокойно. По дороге из опасного уезда двигались пешком и ехали на подводах мирные люди. Беда случилась в ночь с 25 на 26 февраля. Въезд в деревню, как требовалось, был заложен бревном. Около полуночи караульный услышал сильный стук. Выйдя из избы, он увидел знакомого мужика и с ним двух проезжающих. Крестьянин вез их на станцию. Седоков попросили пройти в избу

— Паспорта есть?

Один оказался без документов.

— Задержать обоих и обыскать!

В дом Рубиловского волостного правления через два часа ввалилась группа людей. Следом за арестованными внесли два небольших увесистых чемодана. Щелкнули замки. На пол посыпались листы, испещренные типографским шрифтом. В одном из чемоданов какие-то железные непонятные вещи.

Голова взял в руки первый попавшийся лист.

«Земля и воля».

На багровом лице зашевелились усы. Голова вполголоса читал крамольные слова:

— «Есть люди наивные и недалководные, которые воображают, что с течением времени деспотизм постепенно ослабеет и устранился сам собой... воображают, что венценосный деспот поведет нас к свободе!» Ага! Дерзкие выражения о священной особе императора! А дальше: «Правительство, например, только коснулось крестьянского вопроса, но отнюдь не разрешило, а только запутало его... Народ обманут». А вот и про бунтовщиков-поляков что-то говорится: «Поляки хотят быть самостоятельной нацией... они не станут стеснять народной воли... В этом мы убедились вполне вследствие наших личных отношений с руководителями польского движения и честным словом уверяем в том же всех русских».

Голова перевернул страницу. Строчки запрыгали перед его глазами:

— «Россия неминуемо идет к революции... Это закон новой истории... Страх правительства — лучшее доказательство близости революции...»

Голова свирепо оглянулся на мужиков, стоявших без шапок.

— Ну, чего уставились! Марш отсюда! А вы, господа проезжие, будете отправлены в уездный город.

26 февраля Жуков и Степанов были отвезены в тюрьму в уездный город Остров. Затем они были доставлены в Петербург и заключены в Петропавловскую крепость. Началось следствие.

Допросы... угрозы... угрюмые стены камеры, решетка, шаги часовых...

Жуков держится точно кремень. Жандармы слышат от него одно и то же. Он, Жуков, ездил в имение Мариенгаузен к знакомому Степанова. Хотел найти там себе службу.

Больше ничего не знает.

Степанов крепится. Но недостает опыта. Жандармы ловят его на отдельных словах, цепляются, мучают уловками, стремятся сломить волю.

Нервы не выдержали. Быстро утомляющийся, впечатлительный, Дмитрий не смог устоять. Однажды он заявил, что получил типографские принадлежности от Утина, который привел к нему Вейде, дал деньги на расходы. Ему Степанов отвез готовые 300 экземпляров журнала «Земля и воля».

Вернувшись в камеру, Степанов пришел в отчаяние от своего поступка. В тот же день он написал объяснение. Все сказанное им об Утине — низкая клевета, вызванная ненормальным состоянием. Экземпляры «Земли и воли» он никому не отдавал, а уничтожил дорогой, так как оттиски были никуда не годны.

Показание Степанова, данное 28 апреля, стало известно Центральному комитету «Земли и воли».

Вскоре в сумраке конспиративной квартиры двое вели серьезный разговор. Слепцов доказывал Утину необходимость немедленного отъезда за границу.

Николай пытался возражать, но Слепцов стоял на своем.

— Прежние наши потери были вызваны внезапным нападением врага. Было бы непростительно теперь, зная об опасности, отдаться в лапы долгоруковской шайки. Вы будете полезны там, где она не имеет силы.

Возразить было нечего. Началась спешная подготовка к побегу.

Ушел из западни

В среду 1 мая 1863 года Николай вышел из дому в два часа дня. Домой уже не вернулся.

Вечером в кабинет отца постучал Евгений. Старик Утин сидел в кресле, глубоко задумавшись. Он жил в вечной тревоге. Страх за благополучие всей семьи давно боролся с желанием спасти Николая от грозившей опасности.

— Папенька, мне Николай поручил переговорить с вами.

В глазах старика мелькнуло вопросительное выражение.

— Почти неделю тому назад, — понизив голос, начал Евгений, — Николай был предупрежден о том, что его собираются арестовать. Он молчал, потому что привык к мысли, что его не минует общий удел людей, однажды заявивших себя противниками деспотизма. После выхода из крепости уже девятый раз его намеревались арестовать.

Глаза старика вспыхнули, он наклонился вперед.

— Николай отказался бежать, — продолжал Евгений. — Мысль об этом была ему слишком непривычна. Он ждал ареста. Наконец вчера ему сказали, что медлить нельзя. Предложили деньги и все необходимое для побега. Он ответил, что может подвергнуть ответственности вас, как поручителя. Лучше погибнуть, чем стать подлецом. Ему отвечали, что будет гораздо хуже, если он останется. Его будут годы морить в крепости. Говорили, что отец не будет отвечать за совершеннолетнего. Разные мерзавцы, конечно, за-

хотят вытянуть у отца деньги, но отец потеряет в сто раз больше, если сын окажется в крепости. Николай подумал и решился. Сегодня он уехал.

Отец в изнеможении откинулся на спинку кресла.

— Но почему он не простился?.. Как он мог уйти, ничего не сказав...

— Он не мог. Тогда все члены семьи стали бы соучастниками побега. Он и мне сказал, только уже уйдя из дома. Через две недели из Брюсселя он напишет.

— Только бы добрался благополучно, — дрожащим голосом произнес отец, — через сколько опасностей ему еще придется пройти... Нужно облегчить ему успех.

Старый банкир тяжело поднялся.

— Пока мы ничего не знаем, — уже деловым тоном заговорил он, — будем считать, что он уехал куда-нибудь поблизости.

Через несколько дней за обедом, когда собралась вся семья, отец спросил:

— А где же Николай? Я уже несколько дней не вижу его

— Уехал в Гатчину, — ответил Евгений.

— Нужно послать туда, узнать нем. Он не возвращается слишком долго.

Началась инсценировка поисков.

Полиция оставалась в полном неведении. Лишь 7 мая, изругав подкупленного дворника Утиных, квартальный надзиратель написал донесение о побеге поднадзорного. Медленно двигаясь по инстанциям, бумага надолго застряла в канцелярии обер-полицмейстера Анненкова

Чтобы отвести удар от семьи, отец Утина, выждав две недели, в течение которых Николай должен был достигнуть Бельгии, решил сам сообщить начальству о сыне.

Утром 14 мая элегантный чиновник особых поручений докладывал Суворову о письме Утина-старшего.

— Как, разве он все еще не арестован? — произнес князь заученную остроту.

— Ваше превосходительство, это письмо его отца, коммерции советника Исаака Утина. Николай Утин скрылся.

— Как хорошо, что я не разрешил ему ехать за границу. Он, конечно, не вернулся бы, а вина осталась бы на мне! Теперь это относится к ведомству обер-полицеймейстера. Будьте любезны, переправьте, пожалуйста, письмо ему.

Анненков бушевал. В его ведомстве началась запоздалая суматоха. Был отдан приказ городской полиции — «собрать сведения, не находится ли здесь, в Санкт-Петербурге, бывший студент Николай Утин, который по показанию отца его не является в дом уже более двух недель». Затем был отдан приказ произвести формальное следствие о побеге Николая Утина. Во главе следственной комиссии был поставлен генерал-майор Огарев.

К ответу притянули отца. Как допустил он побег сына, взятого им на поруки?

Но у того талантливый юрист — Серебряный. С его помощью коммерции советник Утин упорно защищался в следственной комиссии. Доводы были несложны. Сын его, Николай, живя в отдельной квартире, приходил к нему только обедать и иногда не являлся по нескольку дней, так что он за ним уследить никак не мог. К тому же поручительство не было составлено по законной форме. То была просто какая-то бумажка, из которой нельзя понять обязанности поручителя.

Обвинить отца в соучастии в делах сына не представлялось возможным. Однако его оставили под домашним арестом.

А Николай все еще не добрался до Бельгии. О нем уже второй месяц не было никаких сведений.

Покинув дом 1 мая, он отправился на указанную заранее квартиру. Парикмахер и портной сделали Николая неузнаваемым. На следующий день его уже отправили из Петербурга, дав подробные наставления о маршруте, которым он должен был пробраться за границу. Всем делом руководил Центральный комитет «Земли и воли».

Неожиданные препятствия надолго затянули его путешествие. Николай писал позднее отцу: «Мне пришлось терпеть многое, начиная с холода и жары и кончая отсутствием пищи... Я видел, как около меня проходили российские жандармы с арестованными, я видел, как неожиданная глупая смерть приблизилась ко мне и готова была поглотить меня, — не хотелось мне умирать далеко от всех, в неизвестности, так что и весть о моей смерти не донеслась бы скоро... Одна опасность еще не успела вполне исчезнуть, как явилась другая: изнурительная лихорадка, долго она мучила меня».

У больного Николая похитили деньги. Он остался без всяких средств. Написать в те дни отцу он не мог. Письмо могло навести полицию на его след. Он не добрался еще ни до одной из стран, укрывавших в то время политических эмигрантов. То были Англия, Бельгия и Швейцария. Срок, на который Утин имел разные паспорта, истек. Но Утин не терял уверенности. «Я оставался тверд, — писал впоследствии он отцу, — я не верил, что после стольких приключений сорвется, и не сорвалось».

К нему на помощь явились друзья. Они разыскали его, снабдили деньгами, паспортом, окружили заботой и уходом. Николай поправился и в начале июля явился в Брюссель. Отсюда он отправил отцу телеграмму, а затем письмо с описанием своего путешествия. Здесь его ожидала счастливая весть.

Он скоро сможет увидеть Надежду Корсини!

Надежда сумела выбраться за границу. В начале августа 1863 года она уже была в Лондоне. Она стала постоянной посетительницей дома Герцена. Девушка произвела на Герцена очень хорошее впечатление. Ему было бесконечно жаль умную и смелую подругу Утина. В Петропавловской крепости во время студенческих волнений она заболела туберкулезом. Теперь ее жизнь была в опасности.

Николай горел нетерпением увидеть ее и, едва оправившись после болезни, поспешил в Лондон.

И вот он наконец, с волнением стоит у дверей ее квартиры. Из комнаты послышался знакомый ми-

лый голос. Дверь открылась. Она смотрела на него, ласково улыбаясь.

Вечером они отправились к Герцену. Входя в двери его дома вместе с любимой девушкой, Николай с волнением подумал, что это для него доброе предзнаменование. Он вместе с ней вступает впервые в обитель знаменитого мыслителя и борца, увидеть которого он мечтал с детства. Пусть же они пройдут рядом через всю жизнь дорогой борьбы.

В «Колоколе» от 15 августа 1863 года на первой странице было помещено сообщение Герцена об успешном побеге Утина. На последней странице того же номера было напечатано письмо Николая Центральному комитету общества «Земля и воля».

«Прибыв, наконец, в Англию, считаю первым и главным своим делом уведомить печатно Комитет общества «Земля и воля» об успешном исходе моего путешествия, длившегося так долго вследствие моей случайной тяжелой болезни. Благодарю публично Комитет за своевременное предупреждение меня о грозившей мне гибели; благодарю за снабжение меня всем нужным для выхода из России; за средства как денежные, так и все другие; за пути, которые были мне указаны.

Считаю нужным заметить здесь для сведения Комитета, что все лица, к которым я должен был обращаться во время своего пути по указанию Комитета, вполне оправдали его доверие».

Письмо из Брюсселя и телеграмму отец отправил к генерал-губернатору Суворову, извинившись за употребленные его сыном резкие выражения в адрес правительства. Суворов переслал эту корреспонденцию в следственную комиссию.

Да, Утин теперь мог писать смело.

Председатель комиссии Огарев бледнел, читая строки о правительстве: «Вы думаете, — так говорил Николаю член тайного общества, убеждая бежать за границу, — что теперь правительство станет стесняться чем-нибудь! Оно осмеляно и опозорено тем, что, не смотря на все его преследования, у него под носом образовалось тайное общество, выпускаются тайные

листы; ему надо показать, что виновник найден, и теперь вы избраны жертвой...»

Огарев запнулся. Далее шли слишком уж дерзкие выражения.

Письмо и телеграмма Утина не охладили пыла следственной комиссии. Не веря, что он за границей, она продолжала искать его в Петербурге. Лишь в конце августа до Петербурга дошел № 169 «Колокола», сообщавший о прибытии Утина в Лондон.

«Колокол» принес избавление старому Исааку Утину. 6 сентября, убедившись, наконец, что сын за пределами России, следственная комиссия освободила отца от домашнего ареста, взяв с него подписку о невыезде из Петербурга.

Но царские чиновники не успокоились. Следственное дело о побеге Николая Утина было отправлено в Вильно. Оно потребовалось суду в связи с мариенгаузенским делом, а также для заключения об Исааке Осиповиче Утине. В Вильно были отправлены Степанов и Вейде. Следствие тянулось почти два года.

Резиденция генерал-губернатора Западного края наводила ужас на жителей Вильно. Люди избегали проходить мимо. Ощетинившаяся копьями чугунная ограда, за которой возвышалась мрачная громада дворца, напоминала о тюрьмах, казнях, расстрелах, о крови, которой залил Польшу и весь Западный край Муравьев-вешатель.

В начале ноября 1865 года Муравьев поздно вечером сидел за массивным письменным столом, заваленным бумагами. Он просматривал дело петербургской организации «Земля и воля». Здесь показания обвиняемых, свидетелей, переписка и т. д. Документы составили 17 томов. В показаниях Огрызко и Коссовского, арестованных в Польше, говорилось о связях Центрального комитета «Земли и воли» в Петербурге с польским революционным правительством через Николая Утина.

Читая показания, Муравьев силился вспомнить, где он встречал имя Утина. И совсем недавно...

Вспомнил! Муравьев позвонил. Перед ним вырос чиновник особых поручений.

— Немедленно принесите приговор по делу в Мариенгаузене.

Чиновник бесшумно исчез. Через минуту на столе раскрылась знакомая папка. Муравьев торопливо просматривал пункты приговора, вынесенного 29 сентября 1865 года по делу о подготовке восстания в Мариенгаузене.

Вот! Николай Утин... Признан виновным в том, что составил враждебную правительству партию. Издавал возмутительный журнал «Земля и воля». Для печатания его послал Степанова и Вейде в Мариенгаузен, где готовилось восстание (следовательно, принимал участие в польском мятеже). Узнав о предстоящем аресте, бежал за границу, а по прибытии в Лондон поместил статью в «Колоколе». В своих сочинениях старается поколебать верность подданных России. За это вынесен приговор: «Хотя следовало бы казнить смертью, но как он бежал за границу, то по лишении его всех прав состояния считать вечно изгнанным из пределов государства и, буде имеет имение, конфисковать оное в казну».

Что же касается отца, то суд предоставляет рассмотрение его дела гражданскому начальству по месту жительства. Муравьев совсем недавно подписывал этот приговор. Он утвержден императором.

Теперь он уже не нравится вешателю. Это не приговор! За такие дела, как связь с Центральным революционным комитетом в Варшаве и подготовка восстания в России, нужно не такое наказание. Недаром этот Утин бежал за границу.

И перед владыкой Западного края снова изгибается чиновник особых поручений. Муравьев диктует новый приговор:

— «Николая Утина лишить всех прав состояния и казнить смертью расстрелянием, каковое наказание исполнить по поимке или явке его в отечество. Имущество же его, Утина, как бежавшего за границу и не явившегося по вызову начальства, взять в опекуновское управление, а имущество, которое принадлежит ему в Западном крае или достанется по наследству, взять в казну».

Военный суд послушно проштамповал волю Муравьева-вешателя. Новый приговор был вынесен 27 ноября 1865 года. Теперь палач обрушился на отца «государственного преступника».

До чего приятно сознание собственного могущества! Один росчерк пера — и через день-два у ворот судебного присутствия в Динабурге конвойные высадят старого банкира.

Самодур просчитался. За последние годы он настолько возомнил о себе, что забыл о существовании других сильных мира сего. Требование Муравьева о доставке старого Утина было направлено в канцелярию столичного генерал-губернатора, минуя самого Суворова.

Князя взорвало. Это уже слишком! Не думает ли Муравьев командовать им, хозяином Петербурга? В дело вмешались высшие власти. В правящих сферах вообще недолюбливали Муравьева.

Слишком много власти забрал себе! Над ним стали язвить при дворе, а это уже дурной признак.

А главное, столичным вельможам не нравилось, что диктатор Западного края взялся указывать на их промахи. Они, мол, не заметили опасной деятельности Николая Утина в столице, упустили «преступника». В Петербурге заговорили, что дело Утина вообще не имеет большой важности. Специальная комиссия нашла, что распоряжение Муравьева об отце Утина совершенно изменяет утвержденное им же заключение.

Распря между вельможами избавила Исаака Утина от новой опасности.

У К. Маркса в Интернационале

За границей Николай Утин отдал все силы революционной деятельности. Поселившись в Лондоне, он занялся переправкой герценовских изданий в Россию.

Ему пришлось на время расстаться с Корсини, которая уехала лечиться. Его собственное здоровье становилось все хуже. Он также был вынужден серьезно

заняться лечением. С этой целью лето 1865 года Николай провел в Страсбурге, а на зиму переехал в Монтре. Здесь он снова встретился с Надеждой. 17 февраля 1866 года в Женеве была скромно отпразднована их свадьба. Они поселились в Швейцарии. Здесь, в городе Веве, весной 1868 года образовалась небольшая колония русских революционеров-эмигрантов во главе с Утиным.

Вскоре у Утина и его друзей появилась идея создать русскую секцию Интернационала, которым руководил Маркс.

Об этой идее сообщили революционерам в Россию и в другие славянские страны. Требовалось узнать их мнение. Переговоры шли медленно. В нелегальных условиях связи были затруднены. Пока же русские революционеры-эмигранты начали издавать журнал «Народное дело». Первый номер его вышел в Женеве 1 сентября 1868 года.

В первом же номере издатели сообщали, что еще год назад у них явилась мысль о необходимости прочной связи русского революционного движения с западноевропейским.

Обратиться к Марксу решили через его друга Беккера, которого знали русские революционеры.

Вечером 8 марта 1870 года Утин познакомил Беккера с программой и уставом секции, которые были выработаны группой русских революционеров.

12 марта 1870 года Марксу было направлено письмо с просьбой быть представителем секции в Генеральном совете Интернационала. Генеральный совет 22 марта принял русскую секцию в состав Интернационала, или, как его тогда называли, Международного товарищества рабочих.

Представительство русской секции при Генеральном совете принял на себя Карл Маркс. Он писал 24 марта членам русской секции:

«Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете».

Утин и его единомышленники взяли на себя пропаганду идей Интернационала. В Женеве всю за-

работал печатный станок с русским шрифтом. Николай Утин и его ближайшие помощники А. Д. Трусов и В. И. Бартенев горячо взялись за дело.

Еще в 1869 году Базельский конгресс Интернационала принял решение о повсеместном устройстве касс сопротивления. Кассы сопротивления создавались из взносов рабочих для помощи стачечникам, больным и т. п. Нужно было сообщить об этом русским читателям. И они прочитали о кассах на страницах «Народного дела». Вскоре такие кассы стали появляться в России.

В типографии «Народного дела» была отпечатана брошюра «Международное товарищество рабочих». Она была подписана Карлом Марксом. В ней рассказывалось о целях и задачах Интернационала. Затем излагались программа и устав русской секции как ветви Международного товарищества рабочих. Указывалось на необходимость пропаганды и устройства в России своей организации, чтобы поднять народ на активную борьбу против правительства, которое вместе с привилегированными классами стремится к систематическому ограблению народа.

Революционная эмиграция и молодежь России читали журнал «Народное дело» и произведения Маркса, которые переводились его издателями.

Порой эти издания доходили и до русских рабочих. На далеком Невьянском заводе, среди уральских рабочих «Народное дело» в 1872 году начал распространять революционер Перезолов. Вскоре к русской секции примкнула Анна Васильевна Корвин-Круковская (сестра Софьи Васильевны Ковалевской). Она была одним из первых распространителей марксизма в России. Много труда и вдохновения было посвящено ею переводу на русский язык некоторых брошюр Маркса. Они публиковались в приложениях к номерам «Народного дела». Перевела Анна Васильевна и «Манифест Коммунистической партии». Его издали в 1871 году.

Николай Утин и его друзья из русской секции активно поддерживали Маркса в борьбе против бакунистов.

Деятели русской секции отчетливо сознавали, что борьба против бакунистов имеет международное значение. Анархистские идеи Бакунина оказывали отрицательное влияние на отсталую часть рабочего класса, в особенности во Франции, Италии, Швейцарии. Утин и его друзья не могли примириться с этим, они поддерживали Маркса, отстаивали принципы Интернационала, боролись за революционные цели всего европейского пролетариата.

Члены русской секции считали главными задачами пропаганду и организационную работу. Они ставили цель создания рабочей партии, которую представляли себе как организацию, объединяющую все слои трудящихся. В Россию направляли людей для расширения революционной пропаганды.

В целях конспирации эмигранты, направляемые в Россию для пропаганды, при выборах в секцию получали лишь общую характеристику. Имен не называли. При приеме в секцию новым членам ее выдавалась картонная карточка, на которой вместо имени стоял номер. Такой порядок установили и некоторые кружки в Петербурге, связанные с русской секцией.

Встречаясь с Утиным, Карл Маркс часто говорил с ним о Чернышевском. К нему Маркс относился с глубоким уважением. Много раз обсуждали планы организации побега Чернышевского, томившегося в сибирской ссылке. Все попытки освободить ссыльного кончались безуспешно. Трудно было даже доехать до места ссылки Чернышевского. Наконец в 1870 году Герман Лопатин разработал план. Его осуществление он считал реальным.

Герман Александрович Лопатин произвел на Утина огромное впечатление. Утин знал, как высоко ценил Маркс этого выдающегося революционера, говоря о нем: «есть мало людей на свете, которых я так люблю и уважаю».

Лопатин отправился в Сибирь под видом купца. План был дерзким, и Утин, боясь провала, советовал вслед за Лопатиным выехать П. А. Ровинскому. Это был друг Утина. В 1863 году при побеге из России он провожал его до границы. В Сибирь он выехал

в конце 1870 года по поручению Географического общества, которое организовало длительное путешествие по Сибири и Китаю для сбора научных материалов.

С каким волнением ждал Николай результатов этого смелого замысла! Сообщая Марксу об отъезде Лопатина в Россию, Утин добавил: «За ним последовал один из моих лучших друзей, отправившийся по тому же торговому делу. Таким образом, мы можем, наконец, надеяться, что это торговое дело останется за нами».

Увы! И эта попытка спасти Чернышевского не удалась.

В 1870 году Утин и другие члены русской секции приняли участие в руководстве большой стачкой в Женеве.

Русская секция многое делала для ознакомления русских революционеров с марксизмом и распространения марксистской литературы в России. При всем этом Утину и его соратникам не удалось в идейном отношении подняться на уровень самой передовой революционной теории.

Высоко ценя Маркса, они в то же время не понимали многих положений его теории. Историческую неизбежность торжества революции они объясняли ростом сознания масс. Пролетариатом они называли всех трудящихся. Преимущество России, по их мнению, состояло в наличии общинного землевладения. Они полагали, что у нее особый путь. В России в то время уже дымили фабричные трубы. Росли и рабочие кварталы в городах. Но Россия покуда оставалась отсталой страной, поэтому в русском революционном движении сохранялись незрелые, ошибочные народнические идеи.

Снова на родине

До сих пор остается загадкой, почему Николай Утин с половины 70-х годов отошел от активной политической деятельности.

С каждым годом он все сильнее ощущал тоску по

родине и упорно обдумывал план возвращения в Россию. Наконец он решил, что диплом инженера даст ему возможность достигнуть цели. В качестве инженера он мог работать на частном предприятии и не зависеть от правительства. Утин начал учиться.

Случай, которого долго ждал Николай, наконец, представился. Ему предложили поехать в Румынию на строительство железной дороги, которое вел купец Поляков — один из железнодорожных королей в России. Это было в 1877 году. Шла русско-турецкая война. Строительство в Румынии железных дорог и других сооружений было необходимо для военных операций на Балканах.

Напрягая всю волю и энергию, Николай работал так, что купец Поляков пришел в восхищение от своего нового инженера. Железнодорожный магнат начал хлопотать о возвращении Утина в Россию. Дело двигалось успешно. Теперь нужно было, чтобы сам Утин написал прошение на имя царя. Стиснув зубы, Николай писал царю, выражая «чистосердечное раскаяние в безумных увлечениях незрелого возраста». Это была обязательная официальная форма прошений «на высочайшее имя».

9 декабря 1877 года разрешение было получено. Из Третьего отделения 15 декабря 1877 года было послано сообщение командующему Виленского военного округа. Там когда-то был вынесен смертный приговор Николаю Утину. Теперь правительство разрешало ему возвращение в Россию с установлением за ним строгого полицейского надзора.

Снова Россия! Николай с болью в сердце бродил по улицам Петербурга. Его тянуло к друзьям по прежней революционной борьбе. Но кипящий жизнью город казался пустым. Одни погибли, другие в Сибири, третьи... были так запуганы, что, заметив его, переходили на другую сторону улицы.

После возвращения в Россию Николай Утин прожил недолго.

* * *

1936 год. Лучи заходящего солнца золотили древние башни и крыши зданий. Надежда Константинов-

на Крупская сидела у письменного стола в своей маленькой комнате в кремлевской квартире. Рядом, на диване, сидел ученый, историк, специалист по истории русского рабочего движения.

— Мне очень хотелось бы знать, кто такой Утин? — задумчиво говорила Надежда Константиновна. — Я уже не в первый раз спрашиваю о нем. Он меня очень интересует. Я познакомилась с ним, когда мне было еще четырнадцать лет. Это было в 1883 году. Мы жили в Петербурге. Только что умер мой отец. Мы с матерью остались без всяких средств и страшно бедствовали. Вот тогда-то к нам и пришел Утин. Я знала, что прежде отец посылал ему за границу карточки для первого Интернационала со сведениями о рабочих, о стачках и тому подобное. На этот раз он пришел к отцу, не зная о его смерти. Я сказала, что он умер. Он был поражен, стал расспрашивать меня, но я тогда была страшным дичком и сначала не хотела с ним разговаривать. Потом овладела собой. Узнав, как трудно нам жилось, Утин достал мне урок. Он очень помог нам с матерью. Заходил еще несколько раз, а потом вдруг исчез и больше никогда не появлялся. Всю жизнь мне никто не мог ничего сказать о нем.

Утин исчез неожиданно и не появлялся больше в семье Надежды Константиновны. Он скончался в том же году 18 ноября.

